

тримувався і А.Я.Гуревич: "історична антропологія" – це історія, яка в багатьох своїх підходах наближається до етнології... і виділяє відмінні риси людини іншої епохи і іншої культури від людини наших днів" [22, С. 225].

Якщо людина в різні епохи мислила не однаково, то що в її свідомості та уяві залишається від давніх часів, а що є набутиим за час, відведений їй для життя. Історична антропологія, досліджуючи внутрішній світ людини, її переживання, соціальну поведінку, певним чином відповідає на ці питання. Найбільш плідним історико – антропологічний підхід виявився в таких проблемних галузях як економічна антропологія, культурна і політична антропологія, соціальна антропологія. Історики зробили спробу "зв'язати культуру з соціальною структурою, зрозуміти їх в єдності, як вияв життєдіяльності суспільної людини. Тому цілком закономірним і необхідним було визрівання в рамках традиційної історичної науки історичної антропології" [17, С.77].

А.Я. Гуревич наголошував, що "історична антропологія – не замкнута школа, і не якийсь універсальний метод; у історика може бути багато методів. Але історична антропологія виражає сутність нової парадигми, нової орієнтації всього гуманітарного дослідження". Феномен антропології спрямований на розширення межі традиційного пізнання.

А.Я.Гуревич нікому не нав'язував і не абсолютизував історичну антропологію, підкреслюючи, що принципи історико – антропологічного аналізу, даються історикам значно важче, ніж звичні прийоми. Але ці труднощі виправдовуються тим, що дослідник отримує якесь "нове знання", нехай і неповне", адже історична антропологія здатна глибше аналізувати різні форми діянь людей і їх вчинків в кожній соціальній сфері – від економіки до культури.

Поняття "історична антропологія" продовжує залишатися багатоліким у своїх інтерпретаціях. В останньому інтерв'ю А.Я.Гуревича від 11 червня 2006 р., він зазначав, що існують розходження між тим як цей термін визначають окремі історики, філософи, культурологи і він та його однодумці: "Що таке історична антропологія? Це дослідження в історичному ключі людини в його культурній, соціальній, психологічній, соціально-економічній обумовленості. Отже, в центрі уваги має бути людина, але не та прекраснотушна істота, яку ми придумали. Перед нами постоало завдання – вивчати індивіда... Історична антропологія як науковий напрям, потужний рух в історичній думці, який спирається на розроблені теоретичні і методологічні принципи та прийоми, що показали свою спроможність – принаймні до тих пір, поки не з'являться нові напрямки, представники яких зроблять це інакше" [18, С.3].

Подальший розвиток цього напрямку в гуманітарному знанні Росії відбувається під впливом наукових досягнень А.Я.Гуревича. Історична антропологія "постійно

в русі", поле її досліджень і проблематика постійно розширюються (вивчаються історія почуттів та емоцій, емоційна мотивація соціальної поведінки людини; символіка повсякденного життя: ритуали, звички, манери поведінки різних суспільних груп. Все більшого значення набуває політична історія в культурно-психологічному вимірі (проблеми феномену влади, харизми монарха тощо).

Разом з тим, варто зазначити, що історична антропологія не може бути панацеєю і вирішувати всі проблеми історичної науки. Вона має свої вади, зокрема все більше роздроблення окремих напрямків дослідження, що ускладнює такий жаданий синтез всіх знань про людину. Вивчаючи людину, можна випустити з поля зору історію суспільства, економічну та політичну історію. Пошуки цілісного осмислення історичного процесу ще далекі від свого завершення. Але істина народжується у співставленні різних підходів до історії суспільства і культури. А.Я.Гуревич вважав, що "найгірший ворог науки – категоричність суджень, безапеляційність висновків". І цілком можливо, що дослідницький пошук згодом буде спрямований на ті сторони життя суспільства, які опинилися поза увагою прихильників історичної антропології.

1. Гуревич А. Я. История историка. М., 2004. С. 181.
2. Нові перспективи історіописання. За редакцією Пітера Берка. К., 2004. С. 28.
3. Гуревич А. Я. К читателю. // Одиссей. Человек в истории. 1989. М., 1989. С. 4 – 5.
4. Берк П. Вступ. Новая история: її минуле і майбутнє. // Нові перспективи історіописання. За ред. Пітера Берка. К., 2004. С. 15, 17.
5. Гуревич А.Я. "Генезис феодализма" и генезис медиовиста. Злые мемуары в роли предисловия // Гуревич А. Я. Избранные труды. Древние германцы. Викинг. СПб., 2007. С.12.
6. Ле Гофф Ж. Предисловие // Блок М. Короли-чудотворцы. Очерк представлений о сверхъестественном характере королевской власти, распространенных преимущественно в Англии и Франции. М., 1998. С.12.
7. Берк П. Историческая антропология и новая культурная история // Новое литературное обозрение. 2005. №75. С.3.
8. Гуревич А.Я. Предисловие // Словарь средневековой культуры // Под ред А.Я.Гуревича. М., 2003. С.15.
9. Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. М., 1972. С. 16.
10. Гуревич А.Я. Марк Блок и историческая антропология. Послесловие // Блок М. Короли-чудотворцы... С.669-670.
11. Ястребицкая А.Л. Обзор материалов коллоквиума // Новая и новейшая история. 1990. № 4. С. 137.
12. Гуревич А. Я. От истории ментальности к историческому синтезу // Споры о главном. М., 1993. С. 26.
13. Див. Історія європейської ментальності. За редакцією Пітера Динцельбахера. Львів. 2004.
14. История ментальностей, историческая антропология. Зарубежные исследования в обзорах и рефератах. М., 1996. С.34.
15. Гуревич А.Я. Смерть как проблема исторической антропологии: о новом направлении в зарубежной историографии // Одиссей. Человек в истории. Исследования по социальной истории и истории культуры 1989. М., 1989. С.115.
16. Гуревич А.Я. Средневековый мир: культура безмолствующего большинства. М., 1990. С.263.
17. Гуревич А.Я. Двойная ответственность историка // Новая и новейшая история 1997. № 3. С.76.
18. Гуревич А.Я. Интервью журналу "Новое литературное обозрение". 2006. № 81. С. 7.
19. Шарп Д. История снизу // Нові перспективи історіописання... С.52.
20. Библиер С. Идеи культуры в работах М.Бахтина // Одиссей. Человек в истории... С.25.
21. Ле Гофф Ж. Другое Средневековье. Время, труд и культура Запада. Екатеринбург, 2000. С.9.
22. Гуревич А.Я. Марк Блок и "Апология истории" // Блок М. Апология истории или ремесло историка. М., 1986. С.225.

Надійшла до редколегії 20.01.11

Т. Мельникова, канд. ист. наук

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ И ГОРОДСКОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО ФЛОРЕНЦИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIII – XIV ВВ.

В статье анализируется политическая жизнь и городское строительство Флоренции второй половины XIII – XIV вв. The political life and urban development of Florence in second half of XIII-XIV centuries are studied in this article.

Облик современной Флоренции создают прекрасные соборы и церкви, величественные палаццо, изящные средневековые строения и знаменитые мосты. При этом многие из памятников были задуманы и по большей части сооружены в XIII – XV столетиях. В самом деле, это был период крупных территориаль-

ных приобретений, невероятного экономического и политического могущества коммуны, полноправные члены которой не только развивали торговые и дипломатические отношения с европейскими и восточными государствами, но активно облагораживали городское пространство, возводили главные общест-

© Мельникова Т., 2011

венные здания, контролировали строительство церквей и частных сооружений.

Хорошо известно, сколь тесно культурная жизнь общества в любые времена связана с политикой, сколь чувствительна к социальным и иным изменениям. Подобное имело место и в Предренессансной Флоренции. К сожалению, в отечественной историографии проблемы духовной культуры и искусства традиционно изучались несколько обособленно от вопросов социально-политического развития, долгое время все ограничивалось анализом художественных произведений, в лучшем случае, выявлением причин расцвета либо упадка культурной эпохи, и практически не предпринимались попытки рассмотреть культурные явления в общем контексте общественных отношений. Даже в области исследования эпохи Возрождения и сегодня остается множество лакун. Между тем зарубежные ученые весьма успешно в работах, посвященных изучению культуры и искусства флорентийского общества, выявляют особенности повседневных представлений и духовной атмосферы, обнаруживая их тесное переплетение с политическими, экономическими, социальными и культурными явлениями городской жизни [1].

В настоящей статье на примере истории возведения трех административных зданий предполагается рассмотреть, насколько тесно политическое становление флорентийской республики переплеталось с этапами строительства важнейших общественных зданий, какую смысловую нагрузку нес их внешний облик.

История городского строительства предстает перед нами не только в документальных источниках – всевозможных городских статутах, договорах с архитекторами [2], – но немало важных сведений о сооружении самых значимых архитектурных памятников можно почерпнуть из нарративных сочинений современников – это истории Флоренции, домашние хроники, а также панегерики родной коммуне, созданные первыми гуманистами и высокообразованными горожанами [3]. К сожалению, особая группа источников – визуальные – практически остаются без внимания историков. И это притом, что изображения памятников архитектуры, городской панорамы, схемы и планы отдельных зданий и центральной части Флоренции могут нести в себе информацию общественно-культурной значимости, которую невозможно почерпнуть из письменных текстов [4].

Первым административным зданием флорентийской коммуны стал Дворец народа (*Palazzo del Popolo*) [5]. Его сооружение началось в 1255 году, то есть через 5 лет после провозглашения Первой народной конституции (*Primo popolo*) в результате победы горожан над магнатами [6]. Это суровое строение с высокой угловой башней, оставшейся от прежнего здания, скорее напоминает крепость: мощные стены прорезаны узкими вытянутыми окнами лишь на уровне второго этажа, верх здания увенчан машикулем – навесным балконом, с лишними украшениями зубцами. Дворец всем своим видом нарочито демонстрирует стремление членов коммуны защищать отвоеванные у феодалов свободы [7].

Но уже в 1261 году, сразу после битвы при Монтерти, в которой флорентийские гвельфы потерпели поражение [8], Дворец стал резиденцией подесты, сменив свое название на *Palazzo del Podestà*. Вероятно, новой власти было важно не просто вытеснить противников, но разместить именно здесь свою администрацию, а не подыскивать новое помещение. Это тем более интересно отметить, что огромное число зданий, принадлежащих гвельфам, постигла иная участь: они были разрушены пришедшими к власти гибеллинами [9].

Постепенно размеры Дворца выросли: за счет присоединения соседних зданий образовался светлый внутренний дворик, который со временем украсили элегантные аркады, лестницы и изображения гербов на стенах. Уже во второй половине XIV века, когда власть горожан защищали принятые в конце XIII столетия законы и упрочившаяся система правления, а не крепость, на южной стене дворца по проекту Бенчиди Чоне появилось огромное окно, придавшее мрачному строению готической роскоши [10]. Заметим, что к тому времени демонстрация богатства становится приметой общественной жизни Флоренции, а удачное финансовое вложение, в том числе и в произведение искусства, – предметом особой гордости как коммуны, так и любого ее жителя.

С поражением в 1266 году гибеллинов и утратой подестой прежнего влияния, Барджелло, очевидно, более не мог оставаться административным и политическим центром Флоренции. Действительно, в 1285 году (через три года после установления власти приоров) было запланировано возведение второго из важнейших правительственных зданий флорентийской коммуны – Дворца приоров (*Palazzo dei Priori*) [11], хотя его строительство началось только в 1299 году. Причины такого промедления, вероятнее всего политические.

Известно, что система коммунального правления обрела свой окончательный вид лишь после знаменитых Установлений справедливости, принятых в 1293 году [12]. И даже после этого ограниченные в правах и уязвимые магнаты пытались оказать сопротивление, организовать бунт, не желая мириться с новым законодательством [13]. Все это могло быть весомым фактором сдерживания политико-административной воли популанов. Косвенно об этом свидетельствуют бурные обсуждения и споры вокруг выбора места строительства [14]. Неоднозначными были оценки современников и по поводу того, как новый дворец был вписан в городское пространство, как размещен относительно ближайших зданий и улиц [15]. Тем не менее, принятый в итоге долгих совещаний проект стал свидетельством окончательной победы популанов.

Примечательно, что новый дворец был построен на месте разрушенных домов гибеллинского рода Уберти, а это могло означать лишь желание и решимость покончить со смутами и политической нестабильностью во Флоренции, показать силу горожан и слабость магнатов, наглядно, архитектурно, продемонстрировать, кто и над кем обрел власть.

На первый взгляд Дворец приоров воспроизводит облик Барджелло: ровные стены, высокая башня, бывшая частью прежнего строения, скупое украшение в виде нависающих балконов с зубцами. На этом сходство заканчивается. Дворец приоров – не маленькая крепость, зажатая соседними домами, как Барджелло, это величественный дворец, стройный и строгий, заметно возвышающийся над окружающими его зданиями. Его башня в 94 м – еще один символ победы народного правления. Напомним, что феодалы, которые в ходе политической борьбы подвергались принудительному переселению во Флоренцию, уже внутри городских стен принимались возводить дома с башнями, напоминавшие замки, создавали так называемые "башенные товарищества" [16]. Но с провозглашением народного правления горожане ввели ограничения на высоту башен до 50 локтей (около 30 м) [17]. Таким образом, с одной стороны, этот закон разрушал давние союзы магнатов, лишая их военного доминирования во Флоренции, с другой – нарушение правительством собст-

венных запретов демонстрировало очень высокий уровень политической независимости пополанов.

Архитектура дворца, а также история его строительства позволяют судить, насколько амбициозным был этот проект. Изначально палаццо был плотно окружен близлежащими домами, вход в него был с севера, со стороны крошечной площади, с которой здание совершенно не просматривалось, едва ли была видна даже высокая башня [18].

В 1318 году уже после окончания строительства Дворца приоров правительство приняло решение о сносе ряда зданий и двух церквей вокруг, с тем, чтобы разместить здесь городскую площадь (Piazza della Signoria). Только после этого дворец смог предстать во всем своем величии. Более того, исследователи, сделав подсчеты, выявили гармоничное с точки зрения пропорций соотношение высоты палаццо и башни с длиной и шириной площади [19], что скорее является свидетельством не совпадения, а хорошо продуманных планов градостроительной политики.

Окончательный облик городской площади сложился во второй половине XIV века, когда на ее южной стороне по проекту Бенчи ди Чоне и Симоне Таленти была выстроена Лоджия деи Ланци [20]. Этот памятник не только представляет собой прекрасный пример поздней флорентийской готики, но появился в момент кульминации общественно-политического развития Флоренции на протяжении второй половины XIII – XIV веков. Три широкие полуциркулярные арки, верх которых украшают горизонтальная аркатура и кружевной парапет террасы, были призваны открыть взору горожан и украсить публичные действия коммунальных властей: здесь проходили приемы послов, присяга приоров перед вступлением в должность [21]. Власть демонстрировала свою связь с пополанством, прозрачность действий, уважение к реакции общества.

Таким образом, во второй половине XIV века вокруг Дворца приоров сложился настоящий политический центр, с большой площадью, которая стала местом для народных собраний, празднеств и иных публичных действий. Мероприятия Флорентийского правительства по общественному строительству были продиктованы политической логикой. Как мы увидели, важнейшие этапы коммунальных завоеваний, изменений в политической жизни города повели за собой появление новых общественных зданий, изменение внутригородского пространства. Градостроительная политика была не только одним из направлений деятельности коммунальных властей, но показателем того, каким образом во Флоренции шел процесс государственного становления.

1. Brucker G. Renaissance Florence. N.-Y., 1975; Goldthwait R.A. The building of Renaissance Florence. Baltimore and London. 1980; Friedman D. Florentine New Towns: Urban Design in the Late Middle Ages. Cambridge, 1991; Starn R., Partridge L. Arts of Power: Three Halls of State in Italy, 1300-1600. Berkeley, 1992; Chrétien H. The Festival of San Giovanni: Imagery and Political Power in Renaissance Florence. New York, 1994; Rubinstein N. The Palazzo Vecchio 1298-1532: Government, Architecture, and Imagery in the Civic Palace of the Florentine Republic. Oxford, 1995.
2. Chambers D. Patrons and Artists in the Italian Renaissance. N.Y., 1971.
3. Croniche di messer Giovanni Villani cittadino fiorentino. Venetia. Per Bartolomeo Zanetti, 1537; Morelli G. Ricordi / A cura di V. Branca. Firenze, 1969; Bruni Leonardo. Panegirico della città di Firenze. Firenze, 1927; Вазари Дж. Жизнеописания наиболее знаменитых живописцев, ваятелей и зодчих / Под ред. А.Г. Габричевского. В 5 томах. М., 2001.
4. При написании данной статьи были проанализированы планы центральной части города, схемы зданий, художественные полотна и гравюры (См.: Frigyes Pogány. Firenze. Budapest, 1971; Hibbert Ch. Florence: The biography of the City. Hong Kong, 1994; Siena, Florence and Padua: Art, Society and Religion. 1280-1400. New Haven-London, 1995. Vol. II.; Wirtz R.C. Art and Architecture. Florence. Koenemann, 2005), а также современные фотоизображения архитектурных памятников из личного архива.
5. Современное название – Барджелло – дворец получил уже в конце XVI в. по имени должностного лица – капитана полиции (См.: Casetta G. Firenze. Nuova guida completa della città. Firenze, 2005. P. 78-79; Wirtz R.C. Op.cit. P. 406).
6. По конституции во Флоренции была закреплена двойная система управления подесты, избираемого из числа иностранных грандов, и капитана народа, представлявшего исключительно интересы горожан. См.: Гуковский М.А. Итальянское Возрождение. Л., 1947. Т. 1. Гл. II. 7. Во Дворце заседал капитан народа и совет старейшин, к которым фактически перешли все дела по управлению коммуной.
8. Социальная борьба во Флоренции имела и четко выраженный политический характер. Несмотря на пестрый состав политических партий, основу партии гвельфов составляли пополаны, гибеллины – магнаты.
9. Croniche di messer Giovanni Villani cittadino fiorentino. VI, 79. К. Хибберт приводит следующие цифры: разрушено более сотни дворцов, почти 600 домов, 90 башен и бесчисленное множество лавочек и мастерских (См.: Hibbert Ch. Op.cit. P. 22).
10. Cunningham C. For the honour and beauty of the city: the design of town halls // Siena, Florence and Padua... P. 42-43.
11. В XV столетии носил имя Дворец синьории (Palazzo della Signoria), с середины XVI века, после окончания строительства Дворца Питти, – Старый дворец (Palazzo Vecchio).
12. По Установлениям справедливости пополаны получали всю полноту власти, феодалы же окончательно лишились политических прав в городе. См. Гуковский М.А. Указ.соч. Т. 1. Гл. II.
13. Croniche di messer Giovanni Villani. VIII, 12. 14. Cunningham C. Op.cit. P. 44.
15. Croniche di messer Giovanni Villani. VIII, 26. 16. Пютенбург В.И. Зарождение капиталистических отношений и восстание наемных рабочих. Раннее Возрождение (XIV в.) // Очерки истории Италии 476-1918 гг. М., 1959. С. 61.
17. По сообщению Виллани, ранее высота некоторых башен достигала 120 локтей (около 70 м). См.: Croniche di messer Giovanni Villani. VI, 39.
18. Реконструкцию плана застройки см: Cunningham C. Op.cit. P. 46.
19. Trachtenberg M. What Brunelleschi Saw: Monument and Site at the Palazzo Vecchio in Florence // Journal of the Society of Architectural Historians, 1988. V. 47. № 1. P. 14-44.
20. В разное время Лоджия носила имя Loggia della Signoria, Loggia dei Priori, Loggia dell' Orcagna (по имени архитектора). Современное название Лоджия получила в период правления Козимо I, когда во Флоренции были расквартированы наемники ландскнехты (Lanzichenecchi).
21. О предназначении Лоджии и этапах ее строительства подробно писал Джорджо Вазари, но он ошибочно приписал работу Орканье. См.: Вазари Дж. Жизнеописания наиболее знаменитых живописцев, ваятелей и зодчих. Т. 1. С. 236-237.

Надійшла до редколегії 20.01.11

В. Мудеревич, канд. іст. наук, асист.

ТРЕТІЙ ХРЕСТОВИЙ ПОХІД (1189 – 1192 рр.) У РЕЦЕПЦІЇ "КІЇВСЬКОГО ЛІТОПІСУ" XII ст.

У статті проаналізовано рецепцію подій Третього хрестового походу у "Київському літописі" XII ст. Досліджується авторство, час і місце внесення повідомлень до літопису про дану виправу латинян на Близькому Сході 1189 – 1192 рр.

This article is about the reception of the Third Crusade events in "Kyiven chronicle" XII century. It is studied the authorship, time and place of making notices to chronicle about this opposition of latins in the Near East of 1189 – 1192.

Хрестові походи на Близький Схід, безперечно, стали символом епохи Середньовіччя. Визволення Гробу Господнього від невірних, допомога християнам, поклоніння святиням, завоювання незвіданих територій та спасіння за богоугодні дні, – ось невеликий перелік тих мотивацій, котрі стали основними рушіями священної війни християн із мусульманами.

Події, що відбувалися під час військових виправ західноєвропейських рицарів, досить детально описані латинськими, грецькими, арабськими авторами (очевидцями і хроністами, які робили свої записи із розповідей учасників походів). Руський соціум не міг не реагувати на події, пов'язані з хрестоносним рухом. Окреслені рушії та головні ідеї хрестових походів, природно, зазнали своєрідного відлуння на теренах Русі, адже подібне проти-